

ДАРЬЯ ННЯЗЕВА

Живет в г. Воронеже.

Поэт, прозаик, кандидат физико-математических наук, антриса «Театра равных». Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Юность», «Сибирские огни», «Формаслов», «Подъем», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Москва». Лонг-лист премии «Лицей» (2019, 2022) и премии Левитова (2022), финалист премии Назинцева (2023), финалист фестиваля молодой поэзии «Филатов Фест» (2021), дипломант премии «Фонарь» (2021), фестиваля «Мгинские мосты» (2022). Участник различных молодежных литературных форумов и фестивалей, в том числе Слета молодых литераторов в Большом Болдино (2022), Всероссийского совещания молодых литераторов в Химках (2022, 2023), Форума молодых писателей России (2022), Межрегиональной творческой мастерской АСПИР в Ярославле (2023).

* * *

Красота в глазах смотрящего.
И я вспоминаю, как смотрела
на загорелых, проворных, смелых,
в волейбол, по щиколотку в песке увязая, играющих.
Для них это было самое важное дело,
принципиальное дело.
Уникальный в своем ритме счастливый танец.
Танец юности, беззаботности, бликов солнца,
расплескавшихся по глянцевице лоснящейся коже.
На десятки таких же по сути – ни капельки не похожий,
потому что запечатан в моменте:
каждой клеткой прочувствован, запечатлен и прожит.
Ах, какая была в них животворящая сила,
звонкоголосая неопалимая сила.
Господи, как красиво...

А я подавать умела разве что в аут,
и на приеме больно звенели предплечья,
расцветая назавтра бескрайними синяками.
Потому в волейбол я почти никогда не играла,
исподлобья взирая на торжество человечье.

В такие моменты они запасали энергию.
В такие моменты я запасала энергию.
Они – умножая чувство собственного всеислия,
я – принимая прекрасным чуждое, невыносимое.
От этого вздох колотилось сердце,
хотелось объять, раздать и обратно впитать сторицей.

И так раз за разом, из поколения в поколение...

Но, пожалуйста, Господи, не обувай их в берцы,
не выстраивай вдоль границы,
не стирай лица,
не прерывай поток.
Умов отмени затмение
или экономическую целесообразность
самого страшного, самого уродливого явления.
Ведь красота не утратит свое значение,
только если для нее останется место,
если продолжимся мы,
если не будет войны.

* * *

падало-падало-падало
закатное за горизонт
событий

и расходился мерцанием по краям
вымышленный провал
прорыв дыра
из эталонной версии вселенной

высокое и голубое на морозе
звенело
почти что настоящая зима со снегом
а остальное картонные декорации

география линий и вен
под пальцами

неопознанная тревога
недействующий мелаксен

очередная усмешка бога

переживание темноты
и есть ты
...

к восьми
между разверстыми шторами
вызревший восток дымился
утро вылуплялось из горизонта
и казалось зачем-то
все еще может быть

* * *

усну на плече на память
клонит ужасно
проведешь указательным вдоль позвоночника
нечему заканчиваться и начинаться
пунктир позвонков – из многоточия в многоточие

и в этой нелепости в этой странности
тринадцать ли
восемь
не все одно?
а следом пятнадцать по кругу пятятся
из осени в зиму
из осени в зиму
из осени в зиму
гниет зерно
в усталую почву не в пору кинутое

во впалом меж(ж)рёберья
зашрамлено-зарыблено
темно
на дне дотлевают-маются
внутреннее смятение
поверхностная сумятица
механическое веретено

от тебя не останется
ни отчества ни фамилии
только протяжный звук
с которым истекает надеждой воздушный шарик
и в том кольцевая суть
бесконечное повторение
истлевшим прикосновением
осыпаться и уснуть
заживая

* * *

А давай...

*...как будто мы на самом деле столкнулись
в стеклянно-белом проходе торгового центра.*

(с) Екатерина Макушина

когда во мне застревают слезы
я берусь за чужие стихи
острые неизлечимые
и эти фантомные боли
(не) случившегося (не) с тобой
поднимают из солнечного сплетения
живую воду
через грудную клетку и горло
до воспаленных глаз
сначала сухими позывами
жесткими спазмами
а за первыми каплями
равномерным потоком

становится легче дышится глубже
словно немертвая

главное не слушать
чужие песни
иначе
фантомной болью
можно попросту захлебнуться

* * *

Нет, мне тебя не нужно –
раз и два –
опаздывают верные слова,
жужжат натужно

в надтреснутой коробке
черепной.
Лети-лети с горы, бескрылый мой,
легко и кротко.

Твой уроборос непреодолим:
расплавленное станет ледяным
и снова день – полным-
полынно-полон...

Не мнимым размыканием сквозным,
а данностью, распятой в треугольник.

Все будет,
и ничего не останется:
ни страха, ни памяти...

Только космос.

* * *

Качнется день, и солнечная завязь
покатится в траву.
Течет, смолится вековечный август.
Ты будешь жить. Я тоже не умру.

Медовое пролито безлимитно
сияние,
сочится в водоем.
Мы будем жить, мы точно не умрем.

Безвременна иллюзия полета
опавшего листка.
А вдалеке
на выжженном пригорке машет кто-то
тростинкою в обугленной руке.

Нет, показалось... просто в загорелой.

Рыжеет поднебесная кайма,
земное тело
бережно согрето.

И ядерная скорчилась зима
над мегатонным летом.